

Один рыжий, один зелёный / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарцы

написано кітарцы | 24 января, 2025

Один рыжий, один зелёный / рассказ ОДИН РЫЖИЙ, ОДИН ЗЕЛЕНЫЙ

О них оказалось невозможным не споткнуться взглядом, находясь в полупустом вагоне метро. Они были разными – один рыжий, другой – зелёный, но составляли единую пару. Ботинки, надетые на вытянутые в проход девичьи ноги в чёрных колготках. К ним прилагалась короткая белая шуба из странного меха (может, козла?) с длинными и прямыми, как дождь, прядями шерсти. Голову и шею венчали рыжая мужская шляпа и небрежно повязанный рыжий шарф. Из-за полей головного убора мерцали красивые ровные зубы и бешабашно-весёлые зелёные глаза. Добавьте ещё маленький рост чуда и пять-семь килограммов лишнего веса – портрет готов. Пройти мимо было просто невозможно. Он и не прошёл, а плюхнулся рядом.

– Э-э-э... Девушка... – Глубокомысленно начал он, – Как вам нравится «Царь Эдип»?

– Который из трёх? – Мгновенно отреагировала она.

– А их три? – Изумился он.

– Вообще-то пять, но до нас дошли только трое, остальные безвозвратно утеряны в процессе исторической свистопляски.

– Филфак. – Догадался он.

– МГУ, – уточнила она, – Золотом на лбу, – И протянула маленькую ладошку. – Стаска. Для друзей Чичона, в переводе с итальянского – пухлик, пушистик.

– М-м-м... Матвей, – С запинкой произнёс он, удивляясь лёгкости и приятности знакомства.

Стаска замерла, вглядываясь в облик нового знакомого. Надо же... Её любимое имя. Матвей... Главный герой фэнтези-романа, написанного ею в десятом классе. Она усмехнулась, вспоминая тот год: ночные вдохновения, каракули под партой, потусторонний вид на уроках и паззлы сюжета в голове... Этот

совсем не похож на своего литературного тёзку. Длинный, худой, но какой-то очень гармонично-стремительный, что ли. Круглые тёмные глаза-камешки, а волосы... Самое замечательное, пожалуй, волосы... Длинные, блестящие, но очень легкие, словно стоящие вокруг головы и мгновенно реагирующие на каждый поворот головы хозяина. «Очень милый» – Подумала Стаска.

– А это – цитата? – Матвей дотронулся пальцем до края её шляпы.

– Конечно! – Моментально «вернула мяч» Стаска и запела: – Чинчи-ринчи...

а он подхватил,

– Бумбамара... – Подхватил он.

– Та-ри-ра! – Закончили они вместе и расхохотались.

– Станция Арбатская, – Проинформировал пассажиров равнодушный механический голос из динамика.

Матвей и Стаска, не сговариваясь, встали. Людской поток вынес их из метро и понёс по бульвару. Они шли, размахивая руками, говорили, перебивая друг друга, хохотали, сгибаясь пополам и хватаясь за животы, – им было удивительно легко и тепло друг с другом. Незаметно для себя, они оказались на Патриарших, где долго водили замёрзшими пальцами по натёртому до золотого блеска копыту бронзового осла.

– Откуда ты взялась, такая? – Растерянно выдохнул Матвей.

– Филфак МГУ, золотом на лбу. – Машинально отозвалась Стаска.

Динь! Хрупкое их уединение было нарушено. От маленькой группки праздно клубящихся неподалёку восточных мужчин отделился один и деловито затрусил им навстречу. Подойдя, ткнул пальцем в сторону Стаски:

– Эт-т-та...Чей шуба?

– Мой! – вызывающе ответила Стаска и захохотала.

Восточный даже пальцами прищёлкнул от досады на её непонятливость.

– Звэр, звэр какой? – Он ухватил смуглыми пальцами пушистую волосинку.

– Белый медведь. – Торопливо, давясь от смеха, вмешался Матвей.

Восточный неторопливо затрусил обратно.

– Бэлий мэдвэд. – Доложил он вполголоса всей компании. Стаску и Матвея скрутило снова. Они понеслись прочь, захлёбываясь от хохота, не чувствуя уже ни времени, ни холода, летали по городу, не прекращая ни на секунду бесконечный диалог...

А Москва, Москва рассыпала, роняла перед ними бесконечные жемчужинки неповторимых историй, разыгрывала неподражаемые мизансцены, приоткрывала занавес в галереи своих особенных типажей – и кота с безумными человеческими глазами, выглядывавшего из-под ворот; и мордатого воробья, сидевшего на спинке их скамейки и делавшего вид, что спит, тогда как явно подслушивал, подлец! И внезапно выпавшего из алкогольной комы колоритного синяка, чётко произнёсшего: «Зачётная у тя... шляпа», и про ее ботинки: «Это концепт?» – не дождавшись ответа, бож провалился обратно в привычную кому...А на Спиридоновке внезапно, с могучим треском распахнулось заклеенное на зиму окно квартиры на первом этаже и на обозрение оторопевшим прохожим явились костистая спина в белоснежной майке-алкоголичке и зад в полосатых семейных трусах. Хозяин майки и трусов с ловкостью альпиниста-профессионала спрыгнул на асфальт в одних носках, неспешной трусцой добрался до угла дома и исчез, словно приведение.

– Даже не возьмусь предполагать, что бы это могло быть... – Прокомментировал Матвей.

Сил смеяться у них уже не находилось, зато был полёт над Москвой и понимание, что всё здесь и сейчас происходит только для них двоих.

Что дальше? Дальше – за руки и через дорогу, пока нет машин... И...

– Мэт! – Ледяной голос, ударил в спину словно выстрел.

Как в замедленной съёмке, Стаска и Матвей медленно и синхронно обернулись на зов. Высунувшись из припаркованной машины и придерживая водительскую дверь рукой, изумлённо-морозными глазами смотрел на них... «Боже, – подумала Стаска, – Давид Микеланджело! Тоже скульптурное лицо, капризно изогнутый рот, кудри...». Давид, одетый в дорогое кашемировое пальто, ни слова ни говоря, в упор рассматривал спутницу Матвея. Стаска вдруг

увидела себя его глазами: и ботинки, и шляпу, и пять-семь лишних килограммов... Неожиданно ей пришло в голову, что и кажущаяся небрежная манера Матвея – из дорогих: и куртка, и джинсы, и... «В русле модных трендов» – пронеслась в голове дурацкая фраза из дурацкого глянцевого журнала, не то, что её шуба, в порыве вдохновения слепленная мамой из бог весть чьих древних шкурок, хранившихся на антресолях.

Тем временем открылась и пассажирская дверь. Уже без удивления Стаска смотрела на чёрное графичное каре, ленивый поворот головы, умело очерченные губы, лениво перекатывающие туда-сюда жевательную резинку.

Давид требовательным взглядом притягивал к себе Матвея, словно тащил на веревочке упирающегося бычка.

– Это мои дру-у-у... Однокурс-с-с-с... – Матвей сглотнул застрявший в горле комок, уже готовый подчиниться властному взгляду.

– Надо же, заикается, – Мелькнуло у Стаски, – За весь день в первый раз...

Матвей, вжав голову в плечи, покорно брёл к машине. Открыв дверцу, в отчаянии обернулся.

– С-с-садись, мы тебя п-п-п...

– Астаманьяно, – Насмешливо проговорила Стаска, широко улыбнулась и, повернувшись, пошла прочь, не желая смотреть на то, как жалкие остатки человека исчезнут в серебряной утробе БМВ. Девушка шла, непривычно твёрдо и сосредоточенно ставя друг за другом в одну линию ботинки: один рыжий, один зелёный, один рыжий, один зелёный... За спиной резко, с шикарными буксами, взял с места автомобиль. Стаска вздрогнула, но не оглянулась.

«Значит, это не он, – Убеждала она себя. – Да и что, голуба, по сути, ты могла ему предложить?» Стаска задумалась. Что? Свою горячо любимую Наську, школьную подружку – умницу и красавицу, простодушную и наивную до умопомрачения, любое своё незнание тут же обозначавшую округлением глаз и безыскусным вопросом: «А что это такое?»? Или Светика, Светозара (Наська произносит «Светозавр»), проживающего в питерском интернате для инвалидов, брошенного гадиной-матерью еще подростком в

больнице с переломанными ногами? Светлого, доброго, любящего весь мир Светика?.. Можно ли вообще совместить его с этими?! Стаску передёрнуло то ли от холода, то ли от омерзения... Или Колю, однокурсника Колю – умище, талантище, прошедшего одиннадцать мученических лет в общеобразовательной московской школе, затравленного, как маленький зверёк, жившего без единого друга, без единого тёплого слова?.. Колю, удравшего с выпускного после вручения аттестатов и всю ночь одиноко просидевшего в кафе на Китай-городе? Он видел, как взлетают разноцветные звёзды салюта над Ильинским холмом, и был абсолютно счастлив. А потом не мог оторвать взгляда от своих рук в белых манжетах рубашки, в тёмных рукавах нового парадного костюма, держащих кружку с кофе, а в голове билась одна-единственная мысль: всё, это всё! Всё закончилось!

И вообще весь её мир – бесшабашное царство филологических дев, закодировавших его только одним им понятными образами... «Трижды возлюбленный Кустурица, как никакой другой возлюбленным быть не может»! Стаска машинально потрогала шляпу. Можно ли его ввинтить, не сломав, в мир серебристых БМВ, дизайнерских причёсок, кашемировых пальто? Стаска вздохнула. Не он. А когда будет он? И главное, как я его узнаю? – думала она. Может, он выйдет из-за угла с жёлтыми цветами? Или на нём тоже будут разные ботинки? Стаска невесело усмехнулась. Один рыжий, один зелёный...

Об авторе: ИРИНА ВИТКОВСКАЯ (Левина Ирина Валерьевна)

Родилась в Тамбове. Там же окончила институт культуры. До 2003 года жила и работала в Свердловской области. В настоящее время живёт в Москве. В 2016 году издательство «Время» выпустило дебютную книжку её повестей и рассказов – «Один рыжий, один зелёный». Повесть из этого сборника «Всё о Мишель» стала лауреатом премии им. Хемингуэя (журнал «Новый Свет», Торонто, Канада). Книга «Один рыжий, один зелёный» в марте 2017 года

была удостоена премии «Писатель 21 века». В августе 2017 издательством «Время» готовится к выпуску вторая книга Ирины Витковской – «Три книги про любовь». Некаýалар